

Теория экономической трансформации как исследовательская программа

Автор: Л. П. ЕВСТИГНЕЕВА, Р. Н. ЕВСТИГНЕЕВ

Форма и содержание экономической трансформации

Согласно определению, данному Е. Гайдаром, предметом "экономической научной дисциплины транзитологии - (*transitology*) являются проблемы экономической трансформации, а объектом - экономика страны или стран, находящихся в процессе перехода от одного состояния социально-экономической системы к качественно иному состоянию". И далее: "Конец XX века ознаменовался резким усилением внимания к проблемам экономической трансформации, когда международное экономическое и политическое сообщество столкнулось с принципиально новым классом таких проблем - посткоммунистической трансформацией" [Гайдар, 2002, с. 1091].

За неполных 20 лет, прошедших с начала российской трансформации, изменился объект транзитологии. Соответственно потребовалось существенное уточнение ее предмета и метода. На повестку дня выдвинулась разработка теории экономической трансформации, отражающей новые реалии. Можно утверждать, что миновал период в известном смысле *формальной*, или ограниченной, не имевшей серьезных шансов раскрыть свой потенциал посткоммунистической трансформации, и назрела необходимость вхождения России в период *фактической*, находящейся в русле усложняющейся мировой практики трансформации. Попробуем раскрыть этот тезис.

Начнем с того, что идеологической основой политических и экономических событий, выпавших с конца 1980-х гг. прошлого века на долю трехсотмиллионного населения почти 30 стран, стало массовое бегство от тоталитаризма к либерализму. Случайным ли было указанное движение? Едва ли. Поэтому трудно согласиться с распространенным мнением об "ошибочности" провозглашенной в России неолиберальной модели реформ. Точнее было бы указать на опасность ее применения ввиду заложенных в ней внутренних противоречий¹.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проекты 07 - 02 - 00131а и 06 - 02 - 00189а).

¹ Напомним, что за полвека до этих событий западный мир (особенно США) охватил противоположный, социалистический порыв, об опасности которого громко предупредил незадолго до окончания Второй мировой войны Ф. Хайек. В марте 1944 г. в Англии вышла его книга "Дорога к рабству", которая "разрушила репутацию автора в сообществе экономистов, но прославила его и изменила мир" [Blundell, 2004, p. 34].

Евстигнеева Людмила Петровна - доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

Евстигнеев Рубен Николаевич - доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра теории экономической трансформации Института экономики РАН.

Некоторые расценивают произошедший в нашей стране катаклизм как революцию: власть перешла из рук партийно-государственной номенклатуры к демократически избираемым органам, всеобщее огосударствление собственности сменилось многообразием ее форм, место централизованного управления экономикой заняли рыночные институты. Крах социализма как системы стал определяющим для судеб СССР и стран Центральной и Восточной Европы. Однако наутро после этих событий люди, не обретя желанных благ западной цивилизации, а наоборот, почувствовав резкое ухудшение своего положения, кинулись искать виновных. Некоторые объявили сам выход за рамки внутрисистемных изменений (таких, как строительство "социализма с человеческим лицом", "рыночного социализма") роковой ошибкой и даже предательством на том основании, что существовавший социализм был якобы не настоящим.

Большинство российских ученых, отбросив в сторону собственно научные, концептуальные вопросы трансформации, принялись с жаром обсуждать практические шаги по выводу стран из кризиса. При этом все споры вращались вокруг того, как быстро и в какой последовательности претворить в жизнь постулаты выработанного в 1989 г. Международным валютным фондом, Всемирным банком и Министерством финансов США для стран Латинской Америки так называемого Вашингтонского консенсуса. Речь шла об освобождении цен, макроэкономической стабилизации, приватизации². Убежденность в непререкаемости этих принципов - причудливой смеси институциональных изменений и мероприятий собственно экономической политики - подкреплялась первоначальными успехами стабилизационных программ в ряде латиноамериканских стран³. Политики и экономисты разбились на два лагеря - "шокотерапевтов" и "градуалистов". То есть сторонников быстрого, одним махом вхождения в капитализм (путем реализации указанных постулатов) и сторонников постепенного, более мягкого проведения тех же самых по сути преобразований. Первые, как правило, разделяли неоклассические, вторые - посткейнсианские взгляды. Сегодня, по-видимому, прошло время политических споров, и можно посмотреть на данное противостояние как на теоретическую проблему.

С теоретической точки зрения, шокотерапия и градуализм взаимно дополняемы. Разногласия касаются понимания природы рыночного регулятора. Для неоклассики - это спонтанное взаимодействие множества участников рынка (микроэкономика). Для посткейнсианства - макрорегулятор, включающий как рыночную тенденцию, так и государственную макроэкономическую политику (макроэкономика). Собственно говоря, неолиберальное государство объединяет их идеологически, а трансформация - практически.

О. Ананьин относит неоклассическую микроэкономику к поведенческой онтологии, а кейнсианство к "производственно-продуктовой картине экономической реальности" [Ананьин, 2005, с. 46 - 47]. Это верно, но лишь в том плане, что именно так, с акцентом на элементы дирижизма, кейнсианство интерпретируется в социальной практике. На самом деле, Дж.М. Кейнс ближе к поведенческой онтологии, поскольку исследует "Денежную экономику" с точки зрения взаимодействия ее микро- и макроуровней.

Переплетение разных научных направлений (включая неортодоксальные), доходящее до смешения онтологий, вызывает к формированию междисциплинарного метатеоретического уровня познания, однако обобщение достигнутых научных открытий фак-

---

² Если быть более точным, то, по свидетельству автора этих постулатов Дж. Уильямсона, консенсус включал 10 позиций: укрепление финансовой дисциплины, пересмотр приоритетов распределения публичных благ в пользу неимущих слоев населения, налоговую реформу, либерализацию ставки процента, введение более гибкого валютного курса, либерализацию внешней торговли, либерализацию привлечения прямых иностранных инвестиций, приватизацию, дерегулирование, обеспечение прав собственности [Williamson, 2003, p. 10 - 11; 2000].

³ Вскоре, однако, маятник в этих странах вновь качнулся влево, лишней раз доказав бесперспективность косметического ремонта системы.

тически реализуется на платформе неолиберализма (по сути, смешанной экономики). Плод такого обобщения - накопление онтологического хаоса, сдвиг заинтересованности исследователей к сугубо прагматическим постановкам, акцентирование роли микроэкономики. Но неструктурированная экономика - нежизнеспособная абстракция. Ее муссирование свидетельствует о том, что достигла своего потолка линейная наука. Дальнейшее развитие науки нуждается в переходе к логике нелинейной, учитывающей неопределенность, системное строение объектов и субъектов экономики, законы коммуникативной практики.

В этих условиях на роль научной парадигмы как общей, так и собственно экономической, выходит синергетика - теория саморазвития сложных открытых систем с адекватной для саморазвития логикой становления. Почему? Да потому что неолиберализм не обладает достаточным научным потенциалом, чтобы поднять проблему становления в полном объеме. Неолиберальное государство всегда остается для него единственным субъектом реформирования, а рынок - объектом управления. Экономическая синергетика, в отличие от неолиберализма, придает первостепенное значение субъектно-субъектным отношениям. Новые энергетические возможности экономического роста появляются не из редукции, а из усложнения экономики.

Как правило, рыночные трансформации поначалу объявляют своей идеологией классический либерализм. Однако эта идеология не получает массовой поддержки (такова ситуация и в нашей стране) и преобразуется в идеологию последовательно рыночной демократии, стоящей на платформе неолиберализма. Этому в значительной мере способствует то, что неолиберализм пользуется поддержкой мирового капитала.

Главный импульс перехода к синергетике зреет внутри национальных экономик, когда они ощущают, что их позиции в мировой экономике оказываются недостаточно прочными. По мере углубления глобализации национальная эффективность неизбежно падает. Действие принципов неолиберализма в мировом масштабе глушит все то нестандартное и нелимитированное экономическими и политическими структурами мирового капитала, что мог бы использовать национальный рынок для роста эффективности. Мировому рынку для создания условий роста эффективности национальных рынков нужен синергетический механизм оптимизации, основанный на поиске суммы локальных (национальных) оптимумов. Но это подрывало бы мировую опору национального неолиберального государства, как и возможность построения однополярного мира, вполне органичного для неолиберализма.

Притом что оба направления реформ (шоковый и градуалистский) были неолиберальными по своей сути, они реализовывались в острых политических спорах. Однако жесточенность этих споров не мешала тесному переплетению на практике рекомендаций обеих противоборствующих сторон. То, что при этом происходило, можно метафорически назвать сбрасыванием с себя социалистических одежд и облачением в одежды капиталистические. Лихорадочная поспешность такого переодевания была вполне объяснима: реформаторы стремились пройти точку невозврата к прежним порядкам и обеспечить переход к нормальному функционированию экономики. Первое реализовать удалось, второе - нет. Почему? Да потому что формальная трансформация плохо стыковалась с решением задач фактической трансформации, то есть вхождения в ту качественно иную общественно-экономическую среду (информационное общество = глобализация), которая сложилась к тому времени в мире.

Актуализация теоретических исследований

Неолиберализм как форма, принадлежащая глобальной мировой экономике, исследован недостаточно. В частности, необходимо объяснить на конкретном уровне причины и механизмы очевидного сращивания рынка и неолиберального государства в процессе глобализации; ответить на вопрос о судьбе рационализации, которая до сих пор была синонимом рыночных отношений (Я. Корнай на этом тезисе построил всю критику).

ку социализма). Государство до сих пор оправдывает свое нарастающее присутствие в экономике идеологически, исходя из постулата универсального рационализма.

Неолиберальная модель общества уводит от классовой социально-экономической структуры, связанной с взаимодействием рынков труда и капитала, к дифференциации общества по уровню дохода (богатые, бедные, средний класс) в качестве нового социально-экономического базиса. В этих условиях особое значение приобретает разделение рынка на макро- и микроуровни, даже появление определенного антагонизма между ними. Массовые рынки отделяются от стратегической сферы, где присутствует свой субъект - так называемый политический класс, представленный крупным капиталом и государством. Государство, будучи ангажированным политическим классом, уже не может поддерживать демократию - ни политическую, ни экономическую. Рынок все более монополизирован. Новая ступень развития общества, связанная с формированием механизмов социального консенсуса, нуждается не в демократизации, а в либерализации.

При начальном воплощении неолиберализма в политике казалось, что его идеология направлена на усиление либерализма в опоре на укрепление прав собственности, свободного конкурентного рынка и на активизацию функций государства по созданию и сохранению соответствующих институтов. Неолибералы резко выступали против вмешательства государства в рынок даже в таких деликатных пределах, как в теории Кейнса. М. Тэтчер и Р. Рейган стали лидерами антикейнсианской направленности неолиберализма. На неолиберальной платформе осуществлялись серьезные усилия по ослаблению инфляции и уменьшению безработицы. В 70 - 80-е гг. прошлого века либерализм достиг своего апогея, сформировав неолиберальную модель глобализации мирового рынка. Но внутри неолиберализма все отчетливее проявляется антидемократизм.

Подчеркнем, что неолиберализму и практически, и теоретически противостоит не тоталитаризм (он еще представлял некоторую опасность в конце XX в.) и не либерализм (время классического либерализма закончилось с формированием рыночной макроэкономики и системного структурирования рынка). Ему противостоит экономическая синергетика. Д. Харви прав, что "у свободы есть гораздо более радужные перспективы, чем те, которые предлагает неолиберализм. В мире возможна гораздо более разумная система управления, чем та, что складывается в условиях неолиберализма" [Харви, 2007, с. 271].

Вместе с тем из сказанного не вытекает, что возможна самокоррекция неолиберализма. Тем более не следует, что подобную коррекцию можно сделать по кальке классического либерализма или использовать теоретические и политические подсказки социал-демократизма. Если классический либерализм еще не знал процессов структурного и институционального усложнения рынка, то социал-демократизм игнорирует объективные социально-экономические механизмы, способные в перспективе создать предпосылки социального консенсуса, и апеллирует непосредственно к интересам и политической воле классов и государства. Когда мы ведем речь об экономической синергетике, то имеем в виду либерализацию синергетического типа [Евстигнеева, Евстигнеев, 2005^а]. Его главная особенность состоит в том, что структуризация экономики и усложнение рынка не ограничивают свободу индивида, а основываются на ней.

Вообще, появление новых и модернизация давно существующих теорий связаны с усложнением экономики. Действительно, она развивается вширь, в многослойном социально-политическом и общекультурном контексте. Такова, например, позиция Г. С. Беккера [Беккер, 2003, с. 645 - 652, 663 - 667, 670]. Экономика усложняется также "по вертикали", сближая микро- и макроуровни, когда происходит как бы их диффузия. Такова позиция В. Маевского, выдвинувшего идею макрогенераций [Маевский, 1997, с. 46, 51 - 52, 68, 83, 87]. Наконец, экономика развивается вглубь. Здесь уже структурные сектора экономики характеризуют интересы и компетенции ее субъектов, начиная от индивида и кончая государством. Такова позиция Р. Гринберга и А. Рубинштейна [Гринберг, Рубинштейн, 2000, с. 97, 118, 130 - 131]. Богатство точек зрения на экономику выражает ее целостность. Однако целостность предмета должна быть выражена и в це-

лостности ее исследовательской методологии. К сожалению, для многих синергетика все еще остается пока лишь инструментальной аналитической наукой. Горизонты исследования саморазвития сложных систем, по сути, закрыты. Но, на наш взгляд, именно синергетика выводит исследование из капкана статики и переводит его не просто в динамический режим, но в режим эволюции на принципах самоорганизации, то есть в режим становления.

Отметим существенное различие между вхождением в новую среду государств Запада и стран постсоциалистического пространства (не отвлекаясь здесь на рассмотрение во многом аналогичных последним проблем другого блока *emerging markets* - развивающихся стран). Производственный и человеческий потенциал, рынок, вся институциональная инфраструктура первых, продолжая развиваться в русле неолиберальной модели, спонтанно, без специального научного обоснования, пытается осваивать режим *рыночной макроэкономики* (а значит, в тенденции - *принципы экономической синергетики*). Происходит непрерывное обновление используемого теоретического арсенала неоклассики и инструментария текущей экономической политики. Однако такой процесс небесконечен.

Россия же и другие бывшие социалистические страны были вынуждены пойти по иному пути - от преодоления социалистического, в том числе перестроечного, кризиса нестандартными, реанимационными методами и внешнего заимствования (импорта) современных капиталистических форм хозяйствования⁴ к системно-структурным институциональным преобразованиям и экономическому росту по законам экономической синергетики. Включение российской и других постсоциалистических экономик⁵ в переходные процессы на равных со всем остальным миром можно считать началом той фактической трансформации, о которой говорилось выше.

Между тем относительно плавная трансформация развитых стран сопровождается нарастающей угрозой, которую, по нашим наблюдениям, недооценивают в западном мире, а вслед за ним и у нас. Бесспорно, разработка более тонких формализованных - математических - методов экономического анализа в какой-то степени способствует приспособлению неоклассики и вытекающего из нее неолиберализма к реалиям меняющегося мира. Наблюдается также то, что В. Автономов назвал "неоклассическим обволакиванием": "универсальный инструментальный неоклассической теории применяется к явлениям и институтам, которые ранее не входили в предмет ее анализа" [К вопросу... 2002, с. 7 - 8]. Но вот какой парадокс: чем рафинированнее становится этот инструментальный, тем дальше уводит он *mainstream* от действительности. Это обстоятельство спровоцировало на переломе XX-XXI вв. широкую дискуссию о кризисе стандартной экономической теории. Постоянно заходят в тупик и претензии разнообразных неортодоксальных теорий (институционально-эволюционной, общественного выбора, конституционной экономики, поведенческой экономики, новой политической экономии и т.д.) компенсировать растущую неспособность неоклассики объяснить новую реальность.

Создается впечатление, что теоретическая экономика попала в заколдованный круг, что она стремится решать принципиально новые вопросы, не выходя из этого круга, не видя за деревьями леса. И главное, не желает замечать своего двусмысленного положения, продолжая, как ни в чем не бывало, заниматься привычным делом. Эту инерционность мышления можно понять: на протяжении столетий в экономической науке гос-

---

⁴ Парадоксально, но социализм подготовился к рыночной макроэкономике, минуя простые исторические формы конкурентного рынка.

⁵ 1 мая 2004 г. восемь бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы вышли из этого ряда: теперь они "в результате присоединения к ЕС решают провозглашенную ими в самом начале трансформационных реформ задачу "возвращения в Европу"", то есть налаживают свою жизнь уже по правилам, установленным в Европейском Союзе [Россия. 2005, с. 23].

подставала классическая (с 70-х гг. XIX в. неоклассическая, в 30 - 60-е гг. XX в. кейнсианская, с 70-х гг. XX в. и по сей день неонеклассическая) парадигма.

Нередко можно встретить выражение, что экономическая наука только-только собирается выходить из пеленок. Эта фраза не лишена смысла, если провести сравнение со сменами парадигм в физике "Ньютон-Эйнштейн-Бор". Экономисты продолжают пребывать в эпохе И. Ньютона / А. Смита, в эпохе господства идей каузальности, линейности, неизменности традиций, социальной иерархии, абсолютного приоритета объективного над субъективным. Не замечая, что в современном мире уже правят идеи вероятности и неопределенности, нелинейности, эволюции, политического и экономического либерализма. Иными словами, что не за горами переход от неоклассики к новой парадигме - с нашей точки зрения, к экономической синергетике (рыночной макроэкономике), которая фундаментально изменит представления об экономике и обществе и во многом даже сам язык экономической науки.

Постсоциалистический мир приблизился к этой парадигме в ходе развернувшейся трансформации. Чем дальше уходит он от формальной, в основном, трансформации, тем больше углубляется в темный лес тех же самых проблем вероятности и неопределенности, которые окружают сегодня развитые капиталистические страны. И тем настойчивее в орбиту его поисков врываются идеи экономической синергетики. Мы полагаем, что для России на нынешней стадии ее развития представился уникальный случай стать пионером в реализации новой экономической парадигмы.

Не следует, конечно, отрицать научный вклад начального, формального, как мы его назвали, периода реформ. Этот исторически неизбежный период состоял не только в оперативном реагировании на возникающие трудности. Несмотря на то, что для тех лет (главным образом, из-за унаследованной от социализма крайне деформированной структуры народного хозяйства) была характерна неадекватность даже употребляемых экономических терминов и результатов исследований их общепринятому содержанию (см. например, [Евстигнеев, 1997; Rosefelde, 2004]), некоторый позитивный опыт реформирования все-таки был приобретен. Но нужно признать, что огромный массив литературы по экономической трансформации не поднялся в целом выше дескриптивных и компаративистских работ, в которых рассказывалось о неудачах и редких успехах экономической политики в разных странах⁶.

Теперь настал черед теории фактической экономической трансформации. Она не может, разумеется, игнорировать ни богатейшее наследие стандартной экономической теории, ни бесспорные достижения неортодоксальных теорий. Учитывая их и продолжая анализировать текущие системные изменения, транзитологам предстоит выстроить стройное здание теории экономической трансформации, которую в интересах научной строгости целесообразно разбить на два достаточно конкретных исследовательских направления. Во-первых, проследить за движением ортодоксальной и неортодоксальных теорий в сторону экономической синергетики (общая теория). Во-вторых, за движением от старого к новому содержанию узловых понятий хозяйственной системы (частные теории).

Заметим, к слову, что как на Западе, так в последнее время и в России математики и физики, работающие в области синергетики, пытаются все энергичнее распространять модели, разрабатываемые для естественных наук, на гуманитарные и общественные дисциплины. Это стремление могло бы быть более плодотворным, если бы сплошь и рядом не наталкивалось на недостаточное понимание специфического содержания последних. Углубление исследований, в частности, в области теоретической экономики (в философии и психологии уже получены заметные результаты) должно в какой-то степени восполнить данный пробел.

---

⁶ Компактно теоретические основы формальной трансформации представлены в [Полтерович, 2005].

Общая теория экономической трансформации

Первые признаки неудовлетворенности отрывом неоклассической теории от практики проявились еще в известном "споре о методе" Г. Шмоллера и других представителей исторической школы (индуктивистов) с К. Менгером и австрийской школой (дедуктивистами) (см. [Ананьин, 2005, с. 21, 84 - 85, 213]). И вот уже больше столетия в экономической науке то стихает, то разгорается с новой силой борьба против обожествления абстрактных формул. Борьба заведомо безуспешная: индуктивисты (нынешние представители неортодоксальных теорий) не могут ее выиграть у дедуктивистов (представителей неоклассической школы), постоянно попадая сами в так называемую "ловушку фрагментации" [Либман, 2007, с. 27]. Мы видим выход из создавшегося положения в новой универсальной парадигме⁷ - экономической синергетике. Рассмотрим, в каком направлении преобразуются исходные понятия теоретической экономики в контексте теории трансформации.

Методологически самый чувствительный удар по неоклассике был нанесен Кейнсом, который первым применил агрегатный подход к экономике, показав качественное различие между макроэкономикой ("Денежной экономикой") и микроэкономикой ("экономикой Фирмы"). В ходе наших реформ ее критики охотно эксплуатировали со ссылками на великого экономиста идею "дирижизма" - особой роли государства в обеспечении общего равновесия. Если эти противники неолиберализма делали из Кейнса чуть ли не социалиста, то задолго до них гораздо более изощренные его интерпретаторы - сторонники так называемого неоклассического синтеза (Дж.Р. Хикс и другие) пытались, наоборот, вернуть его назад в неоклассику. Эти попытки, в свою очередь, стали "предметом критики, особенно со стороны тех, кто подчеркивает значение неопределенности и фактора времени в теории Кейнса" [Словарь... 2003, с. 271].

В синергетической парадигме макроэкономика ориентируется как раз на неопределенность (вышедшая на передний план финансовая экономика на порядок менее предсказуема, чем реальная) и учет фактора времени (системы разворачиваются по оси времени, а не только в пространстве). Главным ныне является переход от понимания макроэкономики просто как интегрированного конкурентного рынка к пониманию ее как целостной сложной открытой рыночной системы, способной к эволюции согласно принципам самоорганизации⁸.

Если в эпоху Кейнса речь еще не шла о специфических экономических субъектах макроэкономики, то в современную эпоху они уже отчетливо просматриваются. Это финансовый капитал (субъекты совокупности прямых стратегических инвестиций), денежный капитал (субъекты финансово-бюджетной системы), производительный капитал (субъекты регионального капитала, представленного системой инвестиционных кластеров). Все эти субъекты макроэкономики выстроены в иерархию рынков. Первый тип рынка - стратегический рынок крупных программных инвестиций (взаимная адаптация, или внутренняя конвергенция, финансового капитала, государства и регионов). Второй тип - корпоративный рынок капитала и товаров, где формируется система рыночных ниш на основе наиболее эффективного распределения капитала. Третий, микроэкономический, тип - совокупность региональных рынков, каркасом которых являются инвестиционные кластеры. Каждый тип рынка становится самостоятельным источником экономического роста, но только первый из них обуславливает формирова-

---

⁷ Некоторые ученые отождествляют универсализм парадигмы с монополией на истину в науке. Такое отождествление несостоятельно, поскольку универсализм сам по себе не предполагает *навязывания* парадигмы всему обществу с помощью властных структур, как это было, скажем, с марксизмом, соцреализмом или с лысенковщиной в советское время.

⁸ В последние годы мы часто писали об этом, в том числе на страницах журнала "Общественные науки и современность" (см. [Евстигнеева, Евстигнеев, 1998^а; 1998^б; 1999; 2002; 2005^б]).

ние адекватной макроэкономике единой денежной инвестиционной системы и задает квант общего экономического роста.

Формирование кванта экономического роста означает движение от преобладающей модели линейного суммирования факторов производства к нелинейным методам, а также от статического подхода к нелинейным динамическим моделям. Мир нелинейности имеет не сводимое к линейности содержание устойчивости экономического роста - цикличность, присущую структуре Большого кондратьевского цикла. Здесь уже имеет место не причинно-следственное взаимодействие, а геометрия симметрий: объектно-субъектная адаптационная симметрия - субъектно-объектная целеформирующая симметрия. Геометрическая конструкция рынка покоится на двух вертикалях. Адаптационная симметрия присуща вертикали (доход - денежный капитал - финансовый капитал) во главе с финансовым капиталом. Целевая симметрия включает ненормативные трудовые рыночные отношения, гражданское общество и социально-политическую структуру. Она возглавляется государством. Взаимодействие вертикалей - конкретное содержание внутренней конвергенции финансового капитала и государства. Содержанием общего экономического равновесия становится не баланс капитала, продукта и дохода, а движение - в условиях постоянно возникающих бифуркаций - к предельному типу экономического роста. Все это многократно усложняет современную экономику.

Превращение взаимодействия структурных уровней рынка, а также взаимодействия экономики с социально-политической и культурной сферами в макроэкономический источник экономического роста заставляет внести одно принципиальное уточнение в предмет теории экономической трансформации. *Отныне трансформация не завершается переходом из одной социально-экономической системы в другую, а перманентно продолжается в рамках новой системы. Синергетика по определению является наукой о становлении.*

Всеобщая информатизация и глобализация, переход к открытой финансовой макроэкономике не могут не воздействовать на институциональные субъекты, которые в условиях неопределенности освобождаются от своей консервативности, превращаясь в сложные самоорганизующиеся открытые системы с широким полем выбора наиболее эффективных путей максимизации доходности активов и пассивов. Они выполняют одновременно функции производителя, потребителя, эмитента и инвестора.

Изменяется и индивидуальный субъект. Индивид для ортодоксов - существо обезличенное (*homo economicus*). Индивиды с их предпочтениями принимаются ими наряду с новыми технологиями как нечто данное, как экзогенный фактор развития экономики. Такая логика вписывалась в индустриальное общество, в эпоху модерна (односторонняя объектно-субъектная симметрия). Но в постиндустриальном информационном обществе, в эпоху постмодерна приоритет экономики как системы оптимального распределения ограниченных ресурсов естественным образом стал вытесняться приоритетом личности и духовной сферы (субъектно-объектная симметрия). Индивид все более превращается в синергетическую личность, становясь, как и институциональный субъект, производителем, потребителем, эмитентом и инвестором (фрактальное подобие). По отношению к нему экономика (в сумме свойств рыночной макроэкономики) предстает как социально-экономическая инфраструктура деятельного существования индивида.

Соответственно, происходит переосмысление идеи рационального экономического потребителя. Сталкиваясь с неопределенностью информации, предпочтений между благами и т.д., он сначала был вынужден ограничивать свой выбор, чтобы более эффективно максимизировать полезность. Но со временем в его поведении все более нарастали элементы иррациональности (не стохастичности, а другой рациональности, не улавливаемой средствами традиционного анализа). Возникла необходимость рационализации потребления и потребителя в сложных системных условиях, учитывающих и взаимодействие микро- и макроуровней экономики. Параллельно тому, как в связи с этим активизировались антропологические основания неоклассики, набирали силу и неортодоксальные теории, пытающиеся выявлять и оценивать реальные потребности в ходе демократических процедур с участием всего населения.

Здесь хотелось бы вернуться к известной, но, на наш взгляд, недостаточно оцененной монографии Беккера "Человеческое поведение. Экономический подход". В ней делается попытка соединить два основных подхода к теории потребления и потребителей. Речь идет, с одной стороны, об универсальном характере рациональности, принципы которой распространяются на всю сферу индивидуальных потребностей. Усложнение последних носит структурный иерархический характер⁹. С другой стороны, все аспекты развития потребления и потребностей индивида связываются с расширением общего поля экономики, которое охватывает не только свой традиционный объект, но и становится ядром всей социально-культурной сферы. По мнению Беккера, рациональность изначально присуща человеку, а ее универсализация как основной принцип методологии исследования всех аспектов хозяйственной, социальной, политической и культурной сфер становится причиной и механизмом расширения рыночной системы. Системный подход с учетом расширения поля экономики переводит проблему от рациональности совсем в другую плоскость - индивидуализации экономики, превращения индивида в активного субъекта экономики и всех других сфер жизнедеятельности общества.

Но вопрос о соотношении общества и индивида - это уже проблема либерализации, уходящая своими корнями к работам Ф. Хайека. И тут необходимы размышления о границах объективизации субъекта, поскольку индивид как субъект потребления в пространстве конкурентного рынка должен адаптироваться к нему, чтобы не нарушалась цепочка оборотов "производство-потребление", так же как и цепочка оборотов "капитал-доход". В результате потребитель сам объективируется, становится продуктом рыночной микроэкономики. Как преодолеть мерную поступь объективизации и вернуть индивиду статус субъекта экономики в целом и субъекта жизнедеятельности общества?

Здесь новые горизонты открывает экономическая синергетика. Будучи теорией становления, она предполагает универсальный характер взаимодействия (коммуникативная практика) и, как следствие, субъективизацию и индивидуализацию экономики. Экономика в целом превращается в инфраструктуру индивидуального существования. Такой поворот становится возможным в силу того, что синергетика работает не со статистическими средними характеристиками экономических процессов, а непосредственно с взаимодействиями множеств. Тем самым универсальным языком экономики становится не система отношений "объект-субъект", а система отношений "субъект-субъект". Сказанное означает, что экономика формирует внутри себя вместо прежней классовой социально-экономической структуры два системных субъекта: системный субъект с адаптационной функцией по отношению к общественному производству и системный субъект с целевой функцией. Отношения между ними, как уже отмечалось, - внутренняя конвергенция между государством и финансовым капиталом.

Кроме того, формируются два стратегических уровня рынка. Один базируется на бюджетно-денежной системе страны, другой - на иерархии рынков во главе с финансовым капиталом. Их объединяет единая денежная инвестиционная система страны. Вместе с тем происходит институционализация деления рынка на стратегический и текущий.

Экономическая синергетика вторгается в исследования традиционной тематики неоклассики (неолиберализма). Одновременно она выдвигает совершенно новые идеи, требующие глубокой разработки: воспроизводственная модель экономики на базе Большого кондратьевского цикла, проблемы обратимого и необратимого времени, механизмов выбора типов экономического роста и отношения последних к предельному типу, в рамках которого экономический рост усложняется и приобретает качество социодинамики.

На теоретическое осмысление экономической трансформации не может не влиять идеология - как позитивно, так и негативно. В любом случае его не следует сбрасывать со счетов. С нашей точки зрения, либеральные идеи во все времена оказывали стимулирующее

---

⁹ Интересное развитие теории вопроса дано в [Маевский, Чернавский, 2007, с. 82].

рующее воздействие на экономическую трансформацию, будь то классический либерализм или неолиберализм. Другое дело, что когда-то один вид либерализма уступает место другому: сегодня, например, на смену неолиберализму идет синергетический либерализм. Вообще, не стоит забывать, что либеральные идеи неотделимы от западной (христианской) цивилизации, к которой мы принадлежим. "Существует глубокая связь между христианством и либерализмом: одно заложило нормативные основы другого", - пишет известный западный политолог Л. Зидентоп (см. "Эксперт", 16 июня 2003, с. 86). Завершая краткий очерк преобразования ортодоксальной и неортодоксальных теорий в экономическую синергетику, наметим *примерную тематику исследований в области общей теории экономической трансформации*:

- движение от экономики денежного капитала и системы приоритетов бюджетно-денежной сферы к финансовой экономике с имманентными ей развитыми валютно-денежными и фондовыми рынками, включая массовые рынки корпоративных акций;
- переход от незрелых (линейных) форм финансового капитала, когда он еще не выступает в качестве самостоятельной силы при выработке рыночной стратегии, к финансовой экономике, построенной на синергетических принципах;
- синергетические эффекты экономической трансформации;
- перенесение акцента с общества производителей на общество инвесторов (проблема фрактального подобию институциональных и индивидуальных субъектов рынка);
- совмещение импорта формальных экономических институтов и выращивания их на родной почве;
- цивилизационные, то есть исходящие из ценностных установок, аспекты формирования общей теории экономической трансформации.

Частные теории экономической трансформации

Ниже речь пойдет о теориях частных в двояком смысле слова. С одной стороны, частных по отношению к общей теории экономической трансформации, с другой - о теориях, отражающих частные процессы в экономике и обществе. В концентрированном виде системные изменения в переходных экономиках воплотились в треугольнике "власть-собственность-рынок".

В России взаимоотношения *власти и собственности* реализуются пока в варианте бюрократического капитализма (сращивания государства и бизнеса). Но уже наблюдаются некоторые обнадеживающие признаки модификации этого варианта в различные формы государственно-частного партнерства, разного рода стратегических программ и т.д., которые при благоприятном стечении обстоятельств могут привести к конвергенции государства и крупного финансового капитала. Такая конвергенция (взаимная адаптация) качественно отличается от сращивания. Она должна, по нашему мнению, стать в перспективе основой стратегического рынка крупных программных инвестиций, задающего квант экономического роста в синергетической модели экономики.

В неразрывной связи с рассмотренной парой категорий находится другая пара - отношения *власти (государства) и рынка*. Унаследованная от социализма ("план и рынок"), эта тема продолжает, по сути, в том же ключе обсуждаться и в наши дни. Видимо, при общей размытости отношений собственности и невозможно построить иную, чем "больше государства¹⁰ - меньше рынка", (и наоборот) модель (бесконечно обсуждаемая проблема "провалов рынка" и "провалов государства"). Эта неоклассическая логика линейности и обратимости времени, логика перманентного колебания маятника в амплитуде между государством и рынком и судорожных попыток установления равнодействующей снимается логикой нелинейности и необратимости времени. Логикой дилеммы "государство-капитализация".

Подразумеваются как властные функции государства, так и его активы.

Последняя грань треугольника (*собственность-рынок*) как раз и должна стать тем пространством рыночной макроэкономики, где уже нет места ни устранению государства с рынка, ни другой крайности - подавлению рынка государством. Роль государства и других основных игроков новой рыночной макроэкономики, построенной на синергетических принципах, мы в самых общих чертах охарактеризовали в предыдущем разделе.

Ныне проблемы, требующие первоочередного переосмысления с экономико-синергетической точки зрения, сосредоточены, на наш взгляд, в трех сферах. Во-первых, в *банковской сфере и сфере финансовых рынков*. Не успев устояться, двухуровневая банковская система готовится к преобразованию в трехуровневую, включающую, помимо Центробанка и коммерческих финансовых посредников, также инвестиционные банки (банки развития). Последние пока и на Западе не входят в единую банковскую систему, но для России этот третий уровень был крайне необходим уже в начале реформ. Дело в том, что одной из главных особенностей российской экономики было наличие мощного индустриального ядра. Еще в середине 1990-х гг. мы настаивали на рыночной трансформации этого ядра с помощью создания специального Банка капитала, выдающего кредиты под залог активов крупных предприятий [Евстигнеева, Евстигнеев, 1995]. Тот факт, что этого не произошло, в немалой степени способствовал развалу промышленности. Создание трехуровневой банковской системы (не надо здесь бояться отличия от Запада) облегчит денежную метаморфозу финансового, денежного и производительного капиталов в качестве предпосылки формирования единой денежной инвестиционной системы страны, предпосылки действенной капитализации российской экономики.

Другим необходимым элементом финансовой экономики должно стать всестороннее развитие фондовых рынков. Особое внимание следует обратить на формирование широкого слоя мелких акционеров, выполняющих системную функцию стабилизации экономики (практика США и ряда других высокоразвитых стран убедительно подтверждает это). Такая макроэкономическая роль среднего класса осуществляется благодаря тому, что его доход не только частично обращается в сбережения и капитализируется, но и обладает внутренней взаимозаменяемостью на потребление и капитализируемый доход, превращая его собственника в производителя. Тем самым средний класс выступает в виде буфера между спросом и предложением, а также между производством и потреблением. Данное свойство среднего класса уравнивает присущее крупному капиталу тяготение к производству ради производства и делает крупный капитал стратегом в области инвестиций, при том, что и капитал, и доход рассматриваются в качестве функции от динамики и структуры стратегических инвестиций.

Во-вторых, необходимы кардинальные изменения в *корпоративном секторе экономики*. Система финансово-денежных рынков становится в новых условиях первичной по отношению к отраслевой структуре, она скрепляет производственные отраслевые связи посредством взаимной метаморфозы капитала, его капитализации на фондовых рынках и инвестиций. В этих условиях появившийся в стране корпоративный сектор экономики уже не в состоянии обеспечивать целостность реального капитала в рамках дилеммы "государство-рынок". Необходимой становится ее замена дилеммой "капитализация-государство".

Внутренняя структура корпораций складывается теперь как сумма эмитентной, инвестиционной, производительной и потребительской функций. На этой основе возникают холдинги, интегрированные бизнес-группы, ТНК и другие виды современных предприятий, формирование которых подвергается одновременному давлению факторов диверсификации и интеграции. Но главной линией развития является их адаптация к сфере стратегического рынка, сфокусированного на рынок стратегических инвестиций.

С одной стороны, инвестиционная политика предприятий как бы отрывается от структуры авансированного капитала: появление массовых денежных и фондовых рынков позволяет активно участвовать в структуризации экономики всем ее субъектам и обеспечивать необходимые объемы капитальных вложений, непосредственно ориентируясь не на прибыль и амортизацию, а на ожидаемый спрос. С другой стороны, отрасле-

вая структура реального сектора повернута к региональным рынкам, что дает возможность крупным капиталам находить эффективные рыночные ниши и, подобно финансово-денежным рынкам, поддерживать устойчивость структуры и динамики экономики.

И тут мы вступаем в третью сферу, требующую переосмысления, - сферу *региональной экономики*, которая лежит на стыке между финансово-денежными рынками и корпоративным сектором. Производительный (реальный) капитал выступает ныне в форме регионального капитала. Целостность последнего определяется уже не отраслевыми технологическими цепочками, а кластерами, или территориальными инвестиционными узлами. По мере того, как кластеры превращаются в центральное звено региональной политики, накапливается высокая плотность территориальных товарно-денежных отношений при одновременной открытости экономики. Принципиальное значение имеет при этом уровень развития банковской системы и финансово-денежных рынков.

Кластеризация даст мощный импульс развития регионов, предоставив им возможность формировать свои специфические конкурентные преимущества и осуществлять свою целенаправленную политику. Отказавшись от не оправдавшей себя политики бюджетного выравнивания, регионы смогут через кластерную политику, неразрывно связанную с рынком стратегических программных инвестиций, обеспечить в ближайшей перспективе создание индивидуализированного (очеловеченного) пространства в нашей стране.

Итак, вырисовываются следующие *примерные темы исследований в области частных теорий экономической трансформации*:

- мутации отношений "власть-собственность" в России;
- изменение содержания понятий "государство" и "рынок" и их взаимосвязи в выстроенной на синергетических принципах финансовой экономике;
- пути интеграции банков развития в качестве одной из составных частей в трехуровневую банковскую систему;
- активизация участия институциональных и индивидуальных субъектов рынка в массовых фондовых и денежных рынках;
- способы повышения капитализации корпоративного сектора экономики; преодоление нерыночной ориентации естественных монополий;
- интеграция региональных инвестиционных кластеров в общественное воспроизводство (микроэкономика в синергетической макроэкономике);
- риски экономического роста в рамках воспроизводственной модели Большого кондратьевского цикла;
- соотношение синергетических и линейных особенностей динамического рыночного потенциала;
- понятие и конкурентные механизмы реализации стратегического кванта экономического роста.

Хотелось бы, чтобы изложенные идеи пробудили интерес читателя к исследованию российских экономических реформ как части общего потока трансформационных процессов в мире. Однако наш замысел этим не исчерпывается. Мы хотим также привлечь внимание к экономической синергетике, которая, как мы полагаем, станет новым этапом развития экономической науки, рожденной в недрах неоклассической теории, но призванной сегодня ответить по-новому на те вопросы, которые встали перед наукой и практикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьин ОМ. Структура экономико-теоретического знания. М., 2005.

Беккер Г. С. Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2003.

Гайдар Е. Т. Экономика переходного периода // Финансово-кредитный энциклопедический словарь. М., 2002.

Гринберг Р. Г., Рубинштейн А. Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.

Евстигнеев В. Р. Валютно-финансовая интеграция в ЕС и СНГ. Сравнительный семантический анализ. М., 1997.

- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Внутренний рынок: макроэкономический аспект // *Общественные науки и современность.* 1999. N 2.
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* От ускорения к ускорению: размышления над итогами двадцатилетия // *Общественные науки и современность.* 2005^б. N 3.
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Рыночная трансформация в России: нетрадиционный взгляд // *Общественные науки и современность.* 2002. N 1.
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Социализм. Монетаризм. Либерализм (экономическая трансформация в России) // *Общественные науки и современность.* 1995. N 3.
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Трансформационный потенциал российской экономики // *Общественные науки и современность.* 1998^а. N 2.
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Финансовый капитал как системообразующий фактор экономики // *Общественные науки и современность.* 1998^б. N 6.
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Экономический рост: либеральная альтернатива. М., 2005^а.
- К вопросу о так называемом "кризисе" экономической науки. ИМЭМО РАН. Материалы теоретического семинара. М., 2002.
- Либман А. М.* Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. М., 2007.
- Маевский В. И.* Введение в эволюционную макроэкономику. М., 1997.
- Маевский В., Чернавский Д.* О рациональном поведении реального потребителя // *Вопросы экономики.* 2007. N 3.
- Полтерович В. М.* К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // *Экономическая наука современной России.* 2005. N 1.
- Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX - начале XXI века. Т. 2. М., 2005.
- Словарь современной экономической теории. Общая редакция Дэвида У. Пирса. М., 2003.
- Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007.
- Blundell J.* Looking back at the Condensed Version of the "Road to Serfdom" after 60 Years // *Economic Affairs.* 2004. March.
- Rosefelde St.* An Abnormal Country // *BOFIT Discussion Papers.* 2004. N 14.
- Williamson J.* From Reform Agenda to Damaged Brand Name // *Finance & Development.* 2003. September.
- Williamson J.* What Should the World Bank Think about the Washington Consensus? // *The World Bank Research Observer.* 2000. Vol. 15. N 2 August.